

чающих за образование в стране к разработке комплекса иммиграционной реформы, чтобы облегчить путь получения зеленых карт и американского гражданства студентам, находящимся в стране нелегально [9].

Таким образом, несмотря на протесты многих представителей административных кругов вузовского образования, ответственность за доступность, стоимость обучения и его качество в колледжах и университетах возлагается на их самих с учетом существенной федеральной помощи, получаемой ими постоянно и периодически. Федеральные государственные службы США в образовательной сфере стремятся построить что-то лучшее для будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Каверина, Э.Ю. Политика президента Обамы в сфере высшего образования / Э.Ю. Каверина // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – № 4. – С. 94–105.
2. Field, K. A Year of College for All: What the President's Plan Would Mean for the Country / K. Field, M. Eckstein // Chronicle of Higher Education. – 2009. – Vol. 55, № 37. – P. 16–17.
3. Obama, B. President Barack Obama delivers remarks on higher education / B. Obama // Political Transcript Wire [Electronic resource]. – Washington, 2009. – Mode of access: <<http://find.galegroup.com.vlib.interchange.at/grnr/infomark.do>>. – Date of access: 30.09.2014.
4. Martin, N. Global Reference on the Environment, Energy and Natural Resources: Education Dynamics Predicts Intense Demand

for Student Retention Programs in Response to President Barack Obama's Call to Improve Retention Rates; Higher Education's Leading Marketing Company Provides the Solution to President Obama's Access and Completion Incentive Fund / N. Martin // Education Dynamics [Electronic resource]. – HOBOKEN, NJ, 2009. – Mode of access: <<http://find.galegroup.com.vlib.interchange.at/grnr/infomark.do>>. – Date of access: 30.09.2014.

5. Hebel, S. Obama's Higher-Education Goal Is Ambitious but Achievable, College Leaders Say / S. Hebel, J.J. Selingo // Chronicle of Higher Education. – 2009. – Vol. 55, № 26. – P. 20. <<http://barackobama.com/record/education/>>.
7. Calmes, J. Obama Lauds Pledges to Expand College Opportunities / J. Calmes // The New York Times. – 2014. – 17 Jan. – P. 14.
8. Багаутдинова Н.Г. Высшая школа сегодня и завтра: Пути преодоления кризиса / Н.Г. Багаутдинова. – М.: Экономика, 2003. – 426 с.
9. Field, K. Obama Calls for Spending on the Sciences and, From Colleges, Better Accountability, K. Field // Chronicle of Higher Education. – 2013. – Vol. 59, № 24. – P. 14–16.

SUMMARY

This article is dedicated to one of the most important topics of our days in the domestic policy of the U.S. – the problem of the American higher education. The trend of a constant growth of the federal funding in the educational system was noted at the beginning of the 2000s. Now there are a lot of problems in this sphere, and the president Barack Obama's administration must solve them. The problems are the following: increased funding of institutes and colleges, meaningful loan forgiveness programs, rendering financial assistance to students with a low level of income, the rising cost of higher education and increasing of student debt.

Поступила в редакцию 17.10.2014 г.

УДК 94(477)«192»:325.1:63–051]

С.В. Якименко,
аспирант, ассистент-преподаватель педагогического университета
им. М.П. Драгоманова

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИЗ УССР СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В 20-е гг. XX в.

Россия и Украина исторически тесно взаимосвязаны. Миллионы этнических украинцев, как и россиян, давно проживают на территории данных государств, а также существует множество смешанных браков. Этот процесс между двумя народами неизбежен ввиду ментальной, культурной, языковой схожести и экономических взаимосвязей. Миграция – неотъемлемая часть этой истории, поскольку она компенсировала нехватку рабочей силы в одном регионе, приводили в баланс избыток рабочей силы в другом. Часто разного рода миграции были настолько выгодны для государства, что становились частью необходимой для экономики политикой. Следует отметить, что освоение Дальнего Востока имеет давнюю историю в становлении и развитии Российской империи.

Цель исследования – изучение вопросов, связанных с освоением отдаленных земель (на примере украинских переселенцев).

Проблема переселения украинцев на Дальний Восток почти не исследована в современной литературе. В советский период ей занимались непосредственные организаторы процесса переселения, практически не дифференцируя переселенцев по национальному признаку. В частности, привлекают внимание статьи М. Большакова, в свое время возглавляющего Всесоюзный переселенческий комитет. Так, в его работе «Дальневосточное и Сибирское переселение» [9] анализируется обустройство земельного фонда для переселенцев. Статья В. Рубинского «Переселенческое дело в Сибири и на Дальнем Востоке» [6] содержит значительное количество данных, практически повторяющих предоставленные М. Большаковым материалы, однако стоит отметить, что материал В. Рубинского вышел годом раньше. Почерпнуть информацию можно и из публикаций в прессе того времени. Интересна статья

М. Лирского «Дороги для медведей», в сатирической форме высмеивающая бесхозяйственность чиновников. Богатый фактологический материал для современных исследователей предоставляет «Вестник землеустройства и переселения», в частности, статьи П. Лежина «Заселение Дальневосточного края», И. Велькевича «Колхозное строительство в плане переселенческих мероприятий на 1928/29 год» [11] и В.В. Герасимова «Методика определения нормы землепользования в трудовых крестьянских хозяйствах» [10]. В 1976 г. вышла монография Н.Н. Платунова «Переселенческая политика и ее осуществление в СССР (1917–июнь 1941 г.)». Это едва ли не единственная работа советского периода, в которой поэтапно анализируются общие проблемы переселения. Вплотную занимался этим же вопросом Н.А. Билим [7].

Однако в советский период объективно не рассматривался процесс подготовки переселенческого фонда, не указывались недостатки. В частности, практически не освещены просчеты, которые допустили руководители центральных органов власти и организаторы процесса переселения на местах, что не позволило должным образом проводить политику переселения.

Основная масса документов, дающих представление об украинских переселенцах, находится в фондах Центрального государственного архива высших органов власти (Киев). В документах Народного Комиссариата Земледелия содержатся материалы о переселении, отчеты ответственных лиц, статистические данные и т. д. Сведения были проверены и дополнены документами из Российского государственного архива экономики. Следует отметить схожесть организационных процессов, которые отражены в документах УРСР и РСФСР. Таким образом, данное исследование базируется на принципах объективности, историзма, а также на статистических данных и историографических источниках.

Восточные регионы РСФСР богаты полезными ископаемыми, древесиной и мехами. Однако слабая заселенность окраин влекла за собой не только проблему их дотаций, невозможность быстрого привлечения к общегосударственному экономическому обороту, но и таила в себе угрозу политического характера. Из-за близости границ 13 % населения Дальнего Востока (а это 260 тыс. чел.) составляли корейцы и китайцы, при этом количество их стремительно увеличивалось. Прибывшее население выдвинуло требование о наделении их земель на основе Земельного кодекса. Следовательно, «необходимость форсированного заселения этих территорий вызвана политическими соображениями государства» [8].

Как в царские времена, так и в советский период переселение на Дальний Восток было обусловлено геостратегическими интересами власти. С возрастанием количества производительных сил появилась большая заинтересованность в природных ресурсах. Это послужило причиной изменения риторики в постреволюционный период [1]. Что касается «разгрузки» аграрно-перенаселенных регионов исключительно переселенческими мерами, на этот счет иллюзий не питало ни политическое руководство, ни теоретики как таковые [2]. Следовательно, переселение «... не является самоцелью, но оно приобретает народнохозяйственный интерес как большой запас трудовых сил в процессе производства на новых территориях» [2].

Первым пунктом статьи Постановления Совета Труда и Оборона от 17 октября 1924 г. провозглашалось: «Задачей колонизации должно быть введение в оборот неограниченного количества земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов расселения и эксплуатации природных богатств колонизированных районов». К этому процессу привлекались все республики Советского Союза, в которых отмечался избыток рабочих рук. В постановлении Совета Народных Комиссаров РСФСР от 17 апреля 1925 г. предписывалось поручение Наркомзему провести в установленном порядке меры, необходимые для организации колонизационного фонда [3]. Дореволюционный опыт в этом деле был чрезвычайно важен и становился во всех мероприятиях отправной точкой.

В дореволюционные времена доля переселенцев из Украины достигла 40,8 %. На такой же громадный процент желавших рассчитывало советское руководство. Предполагалось, что с 1925 по 1931 гг. за пределы Украины должны были быть переселены 177 тыс. семей. Из расчета 5,2 чел. крестьянской семьи, это должно было составить 920 тыс. чел. [4]. Центральное руководство возлагало на Украину большие надежды по освоению необъятных восточных пространств СССР. Следует отметить, что до революции сформировался пласт безземельных крестьян, жаждущих найти работу в городах, либо требующих свободных земель, на которых можно вести собственное хозяйство. Большому количеству рабочих рук необходимо было найти применение без особых финансовых затрат со стороны государства. По открытии переселения в «плановом порядке» декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июля 1925 г. в местные переселенческие структуры были разосланы циркуляры с разъяснением об имущественном состоя-

нии будущего переселенца. Так, на Поволжье переселенцу полагалась взять с собой сумму 1300 руб., в Сибирь – 800 руб., на Дальний Восток – 900 руб. [1]. Следующим было требование полной ликвидации хозяйства в месте отъезда. Безусловно, такие чрезмерные требования не могли не отразиться на динамике переселенческого движения.

Большинство украинских семей не соответствовали материальным требованиям, выдвигаемым советской властью для переселения, поскольку они находились за чертой бедности. Вместе с тем 1,5 % богатого населения меняло место жительства (очевидно по политическим мотивам). Так, П. Лежин приводит статистику: 16 % переселенцев не имели при поселении ни копейки, 22 % имели в 100 руб., и 19 % – около 250 руб. [5]. Громадные по тем временам финансовые требования лишали государство необходимого количества переселенцев. Бедные, безземельные крестьяне, которые действительно нуждались в новых землях, не могли на законных основаниях переезжать. В 1925–1926 гг. в Дальневосточном крае поселилось 8 тыс. 302 переселенца. Амбициозный план предусматривал вселить в этот регион за 10 лет 1 млн чел. Однако реальные темпы заселения на примере 1925–1926 гг. показали, что для этого понадобилось бы около 120 лет.

При перемещении на Дальний Восток железной дорогой переселенцы 20-х гг. тратили от 1 до 1,5 месяца, в то время как обычные пассажирские поезда на тот момент преодолевали это расстояние за 10 дней. Ехать часто приходилось в едва переоборудованных теплушках, а не в пассажирских вагонах. «Теплушка» представляла собой тот же товарный вагон, только обитый не в один, а в два слоя из тонких досок. В холодное время года там устанавливали печь-«буржуйку». Пересыльные пункты имели малую емкость и не справлялись с пиковыми нагрузками, создавая скопления людей и антисанитарные условия. Длительное пребывание в пути требовало дополнительных средств на питание семьи, расходов на фураж, услуги ветеринаров, а также денег на жилье. За период переезда крестьянин мог потерять весомую для его бюджета часть денег. Выделяемые государством льготы были почти неощутимы.

Плохая организация переселенческого процесса виделась практически во всем. Крестьянам, прибывшим на Дальний Восток в 1924–1925 гг., местные земельные органы могли указать участки, подготовленные в дореволюционный период, оставленные свободными и частично заселенными вследствие их неподготовленности – отсутствия дорог, воды, открытых безлесных пространств и т. д. [6]. Началом подготовки переселенческого процесса на местах можно считать 1925 г. В крае было открыто

13 районных пунктов управления [7]. Работа районных управлений заключалась в том, чтобы координировать переселенцев в первые дни после прибытия на место вселения. Для обустройства хозяйства на Дальнем Востоке необходима была сумма, составляющая 1300 – 1 тыс. 500 руб. [8]. Размер кредита в 1926–1927 гг. составил в среднем 318 руб. 18 коп. на одно хозяйство [5]. Для обустройства хозяйства для 70 % новоприбывших переселенцев кредит должен был составлять сумму, превышающую вышеуказанную цифру, как минимум, в четыре раза. К тому же, получить его могли далеко не все нуждающиеся. Абсолютное большинство переселенцев не имели даже необходимого минимума.

Для приведения в надлежащее состояние и введения в сельскохозяйственный оборот участки нуждались в непомерно больших усилиях семьи. Особую статью расходов составляло корчевание: «Топор, мотыга и веревка являлись как бы “узаконенными” средствами корчевания». [6]. Открытых территорий в этом регионе практически не существовало – землю необходимо было отвоевывать у тайги. При этом спиленная древесина считалась собственностью государства. Лишь 25 % от общего объема переселенец мог брать в качестве платы за расчистку.

Помимо мизерного финансирования государства в этой области была и техническая проблема [6]. Особенность дальневосточной целинной почвы также состояла в том, что в результате пресыщения влагой она становится задернованной, следовательно, чрезвычайно трудно обрабатываемой в первый год. Старожилы впрягали 4–6 сильных лошадей для поднятия целины. Слабым в материальном плане хозяйствам эта работа просто неподъемна. Рабоче-крестьянская инспекция, проверяя выполнение Дальгоссельскладом обязанностей по поставке переселенцам сельскохозяйственных машин и орудий, обнаружила следующее: «26 апреля, то есть в самый разгар потребностей в машинах, в Завитинском составе не было ни одной машины, Благовещенский состав оказался в отношении ряда машин переполнен в 5–10 раз, по сравнению с нарядом, между тем Бочкаревский состав во столько же раз – недогруженный. План поставки был не выполнен. Переселенцы остались без сельскохозяйственных орудий и вынуждены были искать их у старожилов, или оставаться без посева» [9].

Финансирование переселенческого дела, согласно данным сметы Наркомзема, началось в 1923–1924 гг., что составляло 6 млн 762 тыс. 230 руб. [9]. В указанные годы средства надлежало использовать следующим образом: землеотводные работы требовали 25,3 % от

всех ассигнований; строительство дорог – 18,8 %; распашка целины – 2,2 %; корчевание – 1 % [16]. Местные органы власти часто тратили переселенческие средства по собственному усмотрению, поскольку переселенческие управления не имели контролирующих функций. Стоит отметить и тот факт, что генерального плана поэтапного освоения и заселения территорий не существовало. Поселенцам доставалась земля в несколько обжитых районах, где уже существовали кое-какие коммуникации. Кроме того, у местного населения можно было перенять опыт ведения хозяйства в новых условиях.

Своими действиями местная власть внесла немалый вклад в формирование у старожилов неприязненного отношения к новопривышам. Так, первым шагом на этом пути стало изъятие у местных крестьян без какой-либо компенсации «излишков» земельных угодий в пользу мигрантов. Кредиты хотя и ограничено, но выдавались местным крестьянам, однако с появлением переселенцев стали совсем недоступны. За построенную ранее дорогу, водоотводный канал или выкопанный колодец местные жители стали требовать с новоселов немедленной компенсации в пользу тех, кто это когда-то построил и т. д.

Существовали у переселенцев и другие проблемы. Кроме материальной поддержки, новопривышам нуждались еще и просветительской помощи. Крестьяне чрезвычайно внимательно прислушивались к советам агрономов и ветеринаров, поскольку понимали, что навыки ведения хозяйства, полученные ими на родине, в новых условиях неприемлемы, а иногда могут быть просто губительными. Однако на 12 тыс. хозяйств в 1926–1927 гг. существовало лишь 7 агрономических участков с недостаточным количеством кадров, которых чрезвычайно загрузили канцелярской работой. Плотность агроучастков была весьма редкая, радиус ее обслуживания 50–70 и даже 100 верст [9]. Выезжать к поселенцам агрономы возможности не имели. Следовательно, каждый из переселенцев сам приобретал собственный опыт, подчас заплатив за него весьма дорого.

Не лучше обстояли дела и с транспортным сообщением. Так, при строительстве дорог была принята весьма оптимистичная норма: 80 поселенцев на 1 км дорог. Однако уже в 1926–1927 гг. план по их строительству не был выполнен, таким образом, пропорция протяженности дорог по отношению к количеству переселенцев составляла 424 чел. на 1 км. [5].

Лучше обстояли дела с финансированием медицинского дела, однако и здесь количество средств не достигало и 50 % процентов от потребности [9]. На образование средства выделялись весьма скромные. Деньги выдавались исключительно на учительский персонал,

однако ни школ, ни помещений для учителей в большинстве случаев не было. Учителя, направляемые из центральных губерний, зачастую не приживались в суровых условиях северного климата. Почтовое обслуживание новоселов практически отсутствовало.

В условиях тотального дефицита любые заводы товаров на базы раскупались в кратчайшие сроки, при этом не возникало необходимости следить за количеством и ассортиментом товара. Стоит отметить и тот факт, что работники получали фиксированную плату, следовательно, в продвижении товара заинтересованности не было, а дефицит был им выгоден. За любым необходимым товаром крестьяне вынуждены были ехать за десятки километров до поселений старожилов, однако там они не всегда получали желаемое [6].

Советское правительство, налаживая переселенческий процесс, ставило задачу быстрой ликвидации продовольственного голода в крае. Однако низкий уровень его финансирования со стороны государства привел к оттоку населения и результату, обратному намеченному: количество хозяйств без посева первого года достигало 34,5 %, с посевом от 1 до 2 десятин – 19,22 %, до 3 десятин – 14,08 % [9]. Государство не взяло на себя ответственности за предоставление переселенцам достаточно уже готовой для использования потребительской нормы земли [10]. Если принять условно, что для удовлетворения потребностей одной семьи необходима была норма обеспечения от 3-х десятин, то становится очевидно, что около 68,5 % переселенцев первого года и 62,13 % второго года остро нуждались в хлебообеспечении. По наблюдениям И. Велькевича, переселенец первого года проживания мог освоить около 0,3 га земли, второго – 2,2 га, третьего – 3,4 га, четвертого – 4 га [11]. Таким образом, край стал более зависим от продовольствия, поскольку требовалось прокормить необустроенную массу сельскохозяйственных поселенцев. В первый год этот процесс давал 79,16 % всей суммы валового дохода семьи, а во второй – 59,43 % [9]. Товарным (приносящим прибыль) хозяйство в тех условиях можно было назвать, когда обеспеченность пахотной землей на хозяйство составляло от 6,8 до 10,3 га [12]. Для этого необходим был срок от семи до десяти лет.

В период окончания НЭПа Наркомзем вынужден был констатировать значительное уменьшение движения переселенцев. При этом увеличилось количество «возвращенцев», что обусловлено недостаточной подготовленностью в местах вселения, организационными неувязками в обслуживании переселенческого контингента, обеспечением переселенцев семенным материалом при весенней кампании, поставкой материалов для строительства, низ-

ким уровнем обслуживания переселенцев во время их передвижения [13].

Следует отметить, что пятилетний план переселения выполнен в размере всего лишь на 10 % [14]. На момент сворачивания политики НЭПа индивидуальное переселение как направление госполитики также начало снижаться. Однако на смену ему приходили новые формы привлечения трудовых ресурсов: переселения колхозами, труд спецпереселенцев; привлечение молодежи; льготы и кредитование. Таким образом, переселение продолжалось на протяжении всего существования Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Яхонтов, А.П. Переселение за пределы Украины / А.П. Яхонтов. – Харьков, 1927. – С. 5.
2. Ямзин, И. Переселенческая проблема СССР в условиях текущего момента / И. Ямзин // Вестник землеустройства и переселения. – 1927. – Кн. 1. – С. 13.
3. Известия ЦИК. 15 мая 1925. – № 109. – С. 3.
4. Вінниченко, І.І. Українці в державах колишнього СРСР; історико-географічний нарис / І.І. Вінниченко. – Житомир: Льонок, 1992. – С. 16.
5. Лежин, П. Заселение Дальневосточного края / П. Лежин // Вестник землеустройства и переселения. – 1929. – Кн. 2. – С. 100.
6. Рубинский, В. Переселенческое дело в Сибири и на Дальнем Востоке / В. Рубинский // Вестник землеустройства и переселения. – 1927. – Кн. 3. – С. 60.
7. Билим, Н.А. Из истории сельскохозяйственного переселения на советский Дальний Восток // Материалы и исследования по истории СССР / Учен. зап. Моск. гос. ин-та им. В.И. Ленина. – М., 1965. – С. 109.
8. Лацис, М.И. Текущие вопросы переселенческого дела / М.И. Лацис // Вестник землеустройства и земледелия. – 1927. – Кн. 1. – С. 14.
9. Большаков, М. Дальневосточное и Сибирское переселение: По материалам обследования Наркомзема РСФСР / М. Большаков // Вестник землеустройства и переселения. – 1928. – Кн. 4. – С. 21.
10. Герасимов, В.В. Методика определения нормы землепользования в трудовых крестьянских хозяйствах / В.В. Герасимов // Вестник землеустройства и переселения. – 1928. Кн. 5. – С. 75.
11. Велькевич, И. Колхозное строительство в плане переселенческих мероприятий на 1928/29 год / И. Велькевич // Вестник землеустройства и переселения. – 1929. – Кн. 3. – С. 59.
12. Центральный государственный архив высших органов власти. – Ф. 27. Оп. 10. – Ед. хр. 678. – Л. 48.
13. Центральный государственный архив высших органов власти. Ф. 27. – Оп. 11. – Ед. хр. 761. – Л. 9.
14. Центральный государственный архив высших органов власти. Ф. 27. – Оп. 9. – Ед. хр. 889. – Л. 11.

SUMMARY

The migration from the Ukraine to the Far East, the resettlement farms, funding financing and provision of agronomy, medical and educational assistance are analyzed. The mistakes of the government in the policy of relocation are marked.

Поступила в редакцию 20.08.2014 г.